

НЕСКОЛЬКО лет назад в Перми гастролировал популярнейший в стране — Московский академический театр имени Вл. Маяковского. На одном из представлений на сцене погас свет. Минут пять актеры играли в темноте. В зале давно догадались, что произошла авария, но никто не шелюхнулся. И потом еще минут пять в зале и на сцене царил полнейшая темнота и тишина. Но когда зажегся свет, раздался оглушительный аплодисменты. Зал и актеры аплодировали друг другу...

Вспоминая этот случай на пресс-конференции в Доме журналиста артисты говорили: — Мы высоко ценим высокую зрительскую культуру пермяков, считаем, что в этом огромная заслуга вашего драматического театра. Ваш театр хорошо воспитывает зрителя, мы с удовольствием отмечаем, как возникает мгновенный контакт между сценой и залом.

Нередко в центральной прессе, в статьях, посвященных такому актуальному вопросу, как театр и зритель, Пермь именуют городом «удачливым», театральным, отмечают, что на спектаклях полный аншлаг, репертуар широкий и разнообразный, сценические произведения и живут по многу лет, не теряя свежести премьеры. В утверждениях этих нет большого преувеличения. Не случайно театру присуждено призовое место в республиканском социалистическом соревновании. Но не всегда так было. Завзятые театралы помнят, что примерно лет двенадцать-тринадцать назад зал Пермской драмы частенько был полупустым. Конечно, ежевечерне поднимался занавес, игрались спектакли, но хорошие традиции, накопленные коллективом в прежние годы, как-то порастерялись, позабылись, лик театра заметно потускнел.

В актерской среде говорят, что искусство развивается зигзагообразно. Канун семидесятых годов для драмы был грустным периодом. Приезжали и уезжали режиссеры, поработав один, полтора сезона. Никто не упрекает их в злых умыслах, намерениях, несомненно, были добрые, но театр — живой организм, и было ясно, что преодолеть наиболее непростое.

В мае 1967 года в Пермь приехал режиссер Иван Тимофеевич Бобылев. Познакомился с делами по документам, посмотрел спектакли — картина печальная. Актеры в театре есть, зрителей в зале мало. В рабочем блокноте появились малоутешительные наблюдения: «...беда в том, что сценический язык устарел. Человек на сцене становится упорным. Художественная убежденность влечет за собой убежденность идейную». «...мне горько слушать от зрителей, да и от людей искусства, что в драму ходить нечего — там не интересно». «...Некоторые узнав, что я намерен работать в Перми, советовали поставить что-то такое, чтобы сразу заинтересовать всех каким-нибудь театральным скандалом. Я не признаю такой метод». «...в труппе никаких широкозахватных программ не объявляю. Достаточно актеры наслаивались всяких теорий, стройных и красивых. Нужны не слова».

Удивительно точным барометром театральной жизни является читательская почта редакций. Когда в газету не пишут о театре, гордятся, хвалят или критикуют его, знаешь: дела его плохи. Отсюда следует: театр не стал для людей ни другом, ни собеседником, он — не необходим.

Письма о пермской драме почти регулярно стали поступать после спектаклей «Царь Федор Иоаннович», «На дне», «Свадьба Кречинского». Все

это режиссерские работы Бобылева. Значимость ряда спектаклей, поставленных им, давно вышла за рамки Перми. Так, спектакль «На дне» был признан одной из наиболее интересных в РСФСР постановок юбилейного года горьковской драматургии. Удостоены дипломов Всесоюзных фестивалей спектакли «Птицы нашей молодости», «Доходное место», «Сельская любовь», а горьковская «Васса Железнова», отмеченная премией министра культуры СССР, шагнула из Перми в братскую Чехословакию, куда режиссер был приглашен для постановки этого шедевра отечественной драматургии.

го дня началась для меня пытка. Но бросить это занятие я уже не мог. И однажды на школьном вечере, преодолевая стеснительность, прочитал «Лошадину фамилию» Чехова. Помню, похлопали мне дружно, а учительница, похвалив, посоветовала открывать хоть изредка глаза. Оказывается, я читал, зажимаясь. С тех пор пошло. Научился читать с открытыми глазами. Читал Чехова, Зощенко, басни Демьяна Бедного. С тех пор я постоянно жду от исполнительского искусства такого чуда, когда знакомый мне текст я не узнаю, потому что артист умеет его заново открывать. Так я «заболел» театром. И навсегда.

...Война пришла неожиданно. Коварно. В 12 часов, в солнечный день на нашей улице запричитали, забегали. Помню поблдевшие лица мужиков. Я тогда перешел в восьмой класс. Побежали мы в военкомат добровольцами. Нас

приближались вступительные экзамены, я отнес документы в училище при МХАТе. Очень волновался. Ко всему прочему, не в чем идти на экзамен. Гражданской одежды не было. Мать из сундука достала старую шелковую рубашку оранжево-канареечного цвета. Я таким и предстал перед комиссией МХАТа: в брюках-галфе и деревенской рубашке моды первой половины прошлого столетия. Как шел экзамен, помню смутно. Помню только остановили меня довольно быстро. Сказали: «Спасибо». Я стоял. И только после третьего «спасибо» я понял, что надо уходить. Я не попал в число счастливых. Меня не приняли. Таких, как я, было немало. И мы всей горьбой отправились в училище имени Шунина при театре Вахтангова. Я снял свою канареечную рубашку и как-то легко прошел все три тура и был принят в Шунинское театраль-

он стремится делать основательно, докапываясь до сути. Он не скрывает от актеров, что за адова работа — создавать хороший спектакль. Сам живет в жестком режиме и требует этого от других. Но и умеет увлечь процессом работы, создания и радуется, когда видит, что все больше людей в театре хотят участвовать в хорошей работе.

Деятельность режиссера — ежедневный нескончаемый труд воспитания. Через репетицию, спектакль, репертуар. Через отношение к делу, искусству. Он должен уметь привести к единому аналитическому разнообразию актерские индивидуальности и характеры, думать о пополнении труппы, растить молодежь. Артисты ценят свойство Бобылева — увидеть оптимальный актерский потенциал, о котором исполнитель порой и не подозревает. Так режиссер «открыл» трагикомическую характерность дарования заслуженного артиста РСФСР А. Корчажникова, ранее волею репертуара утратившегося в совсем «чужом» амплуа. Расширилась и обогатилась исполнительская палитра В. Гинзбурга, В. Михайловой, Ю. Найденой, В. Саитова, В. Дроздова, чья деятельность отмечена почетными званиями заслуженных артистов республики, творческой молодежи Н. Ширяева, Л. Аникеевой, И. Венгалите. Поистине счастливой стала встреча Бобылева-режиссера с актрисой Л. В. Мосоловой. К тому времени было сыграно уже около ста пятидесяти ролей. Да каких! Анна Каренина, Нина Заречная в «Чайке», Джемма в «Оводе», Комиссар в «Оптимистической трагедии». Характеры сильные, натуры активные, страстные. Теперь актрисе нужно было дать «второе дыхание». И появляются на сцене Пермской драмы «Птицы нашей молодости» с мудрой Рудой — Мосоловой, затем «Васса Железнова», «Последний срок», где глубинная разработка характеров актрисой и режиссером доведены до совершенства. За исполнение этих ролей Мосоловой присвоено высшее актерское звание — народной артистки СССР.

Еще одна достойная внимания нить протянулась от режиссера к актерам. Им самим захотелось ставить спектакли. Балоство? Отнюдь. Актер, владеет пусть даже элементами режиссерского дела, учится видеть не только свою роль, но и спектакль в целом, что безусловно, обогащает творческую палитру артиста. Пробуют себя в режиссуре В. Гинзбург, В. Дроздов. Один из своих ответственных спектаклей — «Революционный этюд» И. Бобылев поставил совместно с молодым актером Н. Ширяевым. «Революционный этюд» — это спектакль о Ленине. И о нас. Это не историко-революционный, не биографический, а скорее спектакль-митинг, активно обращенный к зрителям. Не из прошлого говорит Ленин о современности, он здесь, рядом с нами — идея эта, ставшая в сценическом произведении главной, дорога и близка художественным устремлениям режиссера-коммуниста, делегата XXVI съезда КПСС.

Лучшие работы И. Т. Бобылева, а в числе их и спектакли, за которые он удостоен Государственной премии и РСФСР, несут в себе высокогуманистический заряд. Эпиграфом к ним могут стать эти крылатые слова: «Все, что помогает утверждению на земле человеческой мечты о правде и красоте, — нравственно».

И. ФУКАЛОВА.

На снимке: главный режиссер Пермского драматического театра, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР И. Т. БОБЫЛЕВ.

Фото А. Зернина.

С МЕЧТОЙ О КРАСОТЕ И ПРАВДЕ

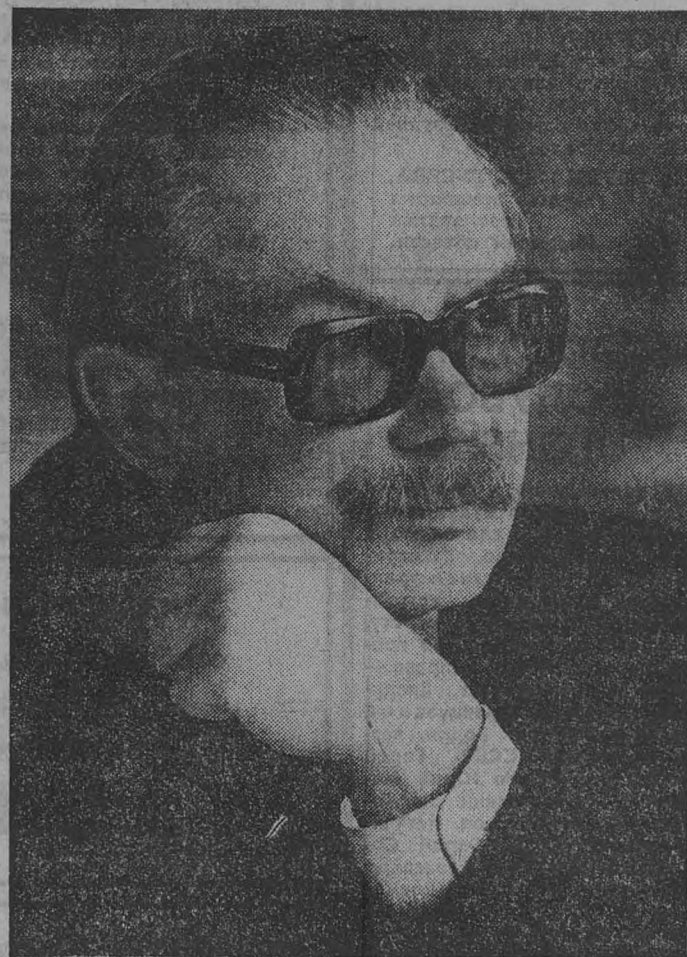
Постановлением Совета Министров РСФСР за создание спектаклей «Усыпанные племени», «Егор Булычов и другие» главному режиссеру Пермского областного драматического театра Ивану Тимофеевичу Бобылеву присуждена Государственная премия РСФСР имени К. Станиславского.

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ (из рассказа И. Т. Бобылева)

Как-то на одной из встреч со зрителями меня спросили: мечтал ли о профессии режиссера в детстве? Нет, не мечтал. Я даже не подозревал, что такая существует. Да и родился в семье, которая не имела никакого отношения к искусству. Жили в Москве на рабочей окраине, за заставой Ильича, на бывшей Владимирке, теперь шоссе Энтузиастов. Кругом заводы, большие, маленькие, новые, старые. Самый приметный — «Серп и молот». Мой отец, как и все отцы сверстников с нашей улицы, приходил с работы, приносил с собой запах машин, жести, дыма, стале-плавильных печей. Домик наши были маленькие, деревянные, на землю вросшие. На семью — комнату с тесовыми перегородками. Жизнь не умещалась в ней и выплескивалась во дворы, на улицы. Люди нашей окраины жили сурово, но открыто. Всей улицей выходили слушать соседей балабаников. Пели по голосам. Иногда до утра я заслушивался народной песней. Нет ничего выше по душевности, чем русская песня!

Незамысловатым искусством был пронизан наш быт. Но не тогда ли, не в детстве ли, я сделал для себя открытие, что очень хорошо люди, когда они поют или пляшут. Не тогда ли появился первый робкий росток таги к искусству. Но по-настоящему это сделали книги. Для меня книга, как только попала в руки, стала страстью. Я читал каждую свободную минуту. Перебрал много разворачивал огромный мир, который не умещался в привычную жизнь нашей улицы. Неожиданно и случайно открылась для меня еще одна удивительная тайна печатного слова, как слова звучащего.

Старенький круглый репродуктор, висевший на стенке, у нас никогда не выключался. Громкость у него была небольшая, через хрипы и потрескивания мы узнавали новости мира. Под его привычные звуки мы засыпали, он же будил нас. Но однажды... Однажды я услышал, что народный артист Иван Михайлович Москвин будет читать рассказы Чехова. Я прыгнул к репродуктору. Артист читал те самые рассказы Чехова, которые я знал. И случилось поразительное: я не узнавал текст. Я слышал те же самые слова, но сказаны они были совсем по-другому. Он не читал даже. Он, казалось, разговаривал со мной, рассказывал мне удивительные истории про людей живых, очень разных. Я ясно представлял всех их, точно был с ними знаком, точно сам видел, как они, охваченные паникой, искали «лошадину фамилию»... Когда он закончил, я схватил книгу и стал перечитывать рассказы. Увы! Мое чтение было бледным. Голос не слушался. Даже ничего приблизительно похожего не получалось. С это-

наладили разносить повести. В августе эвакуировались в Омск. Голодно было. Ели все: жмыхи, из картофельных очисток баланду. Школа была далеко. Зимнего пальто не было, обувь не по Сибири. А зины холодные. Не знаю, чем бы это все для меня кончилось, если бы не учительница Тамара Львовна Ионовалова. Выхлопотала она для меня через военкомат меховые штаны и валенки. В январе 1943 года я был призван в армию. К этому времени из ребят в классе осталось только двое. Направили меня в Ярославское интердантичное училище. Служа в армии, я несколько раз попадал в московские театры. Сердце щемило. Уходил оттуда с тоской. Театр казался далеким и непо-сильным. Никто из ребят не кончился. После войны у всей молодежи была какая-то ничем ненасыщаемая жадность к знаниям. Хотелось все объять. Занимался заочно в юридическом институте, я стал изучать, например, историю цензуры, с древнейших времен. Зачем, и сейчас не пойму. О театре мечтал, но реально подступиться к нему не решался.

Однажды на кватире выдающегося актера современности Бориса Васильевича Шунина, одного из первых советских актеров, воплотивших на сцене образ В. И. Ленина (с его сыном Егором я служил в армии), меня уговорили почитать что-нибудь. Борис Васильевич уже не было в живых, его жена Татьяна Митрофановна принимала горячее участие в судьбах всех молодых людей, тянувшихся к искусству. Так вот, Татьяна Митрофановна уговорила меня почитать ей. Не без сопротивления решился, почитал. Она без раздумий сказала, чтобы я шел в театр.

ное училище, которое закончил с отличием через несколько лет. После училища получил приглашение в Московский театр сатиры. Но при распределении назначение получил в Московский областной театр. Привыкший в армии читать дисциплину — выехал по назначению. Естественно, работал актером. Играл много и с удовольствием. Но часто ловил себя на мысли, что в училище нас наставляли по другому, дали нам более высокую профессиональную культуру. Распирало желание поделиться, и я полез со своими соображениями к режиссеру во время репетиций. Он поступил мудро, как истинный художник, послал меня на сцену и предложил порепетировать с актерами. Я пошел. Наверное, получилось, потому что он послал меня рядом, вроде я помогаю ему. Потом поручил поставить самостоятельный спектакль. Потом еще. Постепенно я становился режиссером, а актером уже по совместительству. Однажды удалось услышать мнение о себе. Оказывается, у меня обнаружились свойства, необходимые в режиссерской профессии: выдержка, способность многое перенести, перетерпеть ради дела. Так определилась моя судьба.

ПО-РАЗНОМУ проявляет себя человек, чтобы утвердить свое «верую», свое кредо. Один — неистовым энергией, другой — упорством, методичностью. В той или иной степени черты эти присущи и Бобылеву. Но главенствует дух исследования, поиска. Любую работу